

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

История и философия науки: кандидатский экзамен — пробный вопрос

Один полный разбор из профильного раздела вашей группы — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 63 вопроса перечня: 21 по общим проблемам философии науки, 21 по философским проблемам социогуманитарного знания и 21 по разделу «История и философия истории».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.6 Исторические науки

ПРОГРАММА

кандидатский экзамен по истории и философии науки

РАЗДЕЛ III · ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ · ВОПРОС №1 · ДЕМО

История как наука. Философия истории (ФИ) в системе философии науки. Понятие «исторического факта»

■ ФИ как мысль второго порядка

- философия истории думает о мышлении историка, не дублируя ни психолога, ни самого историка (Коллингвуд);
- историк отвечает «что было», философ истории — как историки познают прошлое;
- предмет истории — *res gestae*, действия людей; метод — интерпретация фактических данных (evidence).

■ Четыре признака истории как науки

- научность — начинается с вопросов, а не пересказа известного;
- гуманистичность — вопросы о сделанном людьми;
- рациональность — ответы обоснованы обращением к источнику;
- служит самопознанию человека.

■ Квазиистория и парадокс греков

- теократическая история и миф формально похожи на историю, но лишены научности и гуманизма — говорят о богах, а не людях;
- для греков истинным знанием (*ἐπιστήμη*) считалось только неизменное, изменчивое — предмет мнения (*δόξα*); отсюда парадокс: история должна и говорить о преходящем, и быть научной.

■ Исторический факт: конструктивизм против позитивизма

- Копосов: факт не «дан» источником, а конструируется номинацией, классификацией, рубрикацией мышления историка;
- Кроче: «чистых фактов не существует», отправной пункт — «разум, который мыслит и конструирует факты»;
- метафора «старого комода» Февра — изложение по рубрикам (политика, общество, экономика) незаметно выдаёт порядок текста за порядок вещей.

■ Внешняя/внутренняя сторона события

- внешняя сторона — тела и движения (переход Цезаря через Рубикон), внутренняя — мысль (вызов законам Республики);
- причина — не общий закон, а мысль деятеля; метод — воспроизведение этой мысли в сознании историка.

■ Номотетический ответ XX века

- Гемпель: объяснение подводит событие под охватывающий закон — универсальный или вероятностный;
- Нагель: доктрины исторической неизбежности несостоятельны, но детерминизм строго определим через систему связанных переменных, без фатализма.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Вводный контекст

Вопрос о том, наука ли история, и если наука — то в каком смысле, стоит на границе между самой историей и философией. Философия истории (ФИ) — не особая версия исторического исследования и не психология историка, а рефлексия над тем, что делает историческое познание вообще возможным: как историки узнают о прошлом, чем их знание отличается от знания естествоведов. Вопрос распадается на несколько связанных сюжетов: чем история отличается от квазиисторических форм повествования о прошлом; что такое «исторический факт» и дан ли он источником или конструируется мышлением историка; как соотносятся внешняя и внутренняя сторона исторического события; и можно ли объяснять исторические события так же, как объясняют явления природы — подводя их под общие законы.

■ Философия истории как «мысль второго порядка»

Р. Дж. Коллингвуд начинает разговор о месте философии истории в системе философии науки с различения уровней мысли. Философия, в отличие от психологии, занята не мыслью самой по себе, а отношением мысли к её предмету — это «мысль второго порядка», рефлексия над тем, как возможно то или иное знание. Применительно к истории это означает: сам историк отвечает на вопрос «что произошло», а философ истории задаётся другими вопросами — как историкам вообще удаётся познавать прошлое, каким образом они проникают в события, которые сами уже недоступны наблюдению. Философ истории при этом не дублирует ни психолога, изучающего работу сознания историка как таковую, ни

самого историка, устанавливающего конкретные факты прошлого; его предмет — сама возможность и структура исторического познания.

Отсюда вырастает определение истории как научной дисциплины. История — разновидность научного исследования: она задаёт вопросы и ищет на них ответы, а не пересказывает уже известное. Её предмет — *res gestae*, действия людей, совершённые в прошлом, а не «прошлое само по себе» как некая метафизическая данность. Метод истории — интерпретация фактических данных, или *evidence*: документов и свидетельств, каждый из которых — это «вещь, существующая здесь и теперь», и именно через анализ этой наличной вещи историк получает ответы на поставленные им вопросы о прошлых событиях. Цель истории — служить самопознанию человека: рассказывая ему о его прошлых деяниях, история сообщает человеку, что он такое.

Из этого понимания истории выводятся четыре признака, отличающие её от иных форм повествования о прошлом. Во-первых, история научна: она начинается с постановки вопросов, тогда как создатель легенды начинает со знания чего-то заранее и просто рассказывает об этом. Во-вторых, она гуманистична — задаёт вопросы именно о сделанном людьми в определённые моменты прошлого, а не о деяниях богов или безличных сил. В-третьих, она рациональна — обосновывает свои ответы, обращаясь к источнику, свидетельству, документу. В-четвёртых, она служит самопознанию человека.

■ Квазиистория и парадокс греческой метафизики

От подлинной истории следует отличать квазиисторические формы — теократическую историю и миф Древнего Ближнего Востока. Они формально похожи на историю: тоже повествуют о прошлом, тоже выстроены в последовательность событий. Но им недостаёт двух ключевых черт. Во-первых, научности: миф не отвечает на вопрос, а пересказывает уже известное, заранее данное священной традицией. Во-вторых, гуманизма: миф говорит о действиях богов, а не людей, тогда как подлинная история имеет дело именно с человеческими поступками. По этим двум основаниям теократическая история и миф не являются историей в собственном смысле слова, хотя внешне напоминают историческое повествование.

Понимание истории как научной дисциплины наталкивается на трудность, уходящую корнями в греческую метафизику. Для древних греков истинным знанием — *epistēmē* — могло быть только знание о неизменном; изменчивое же, преходящее было доступно лишь мнению — *doxa*, а не строгому знанию. Отсюда возникает исходный парадокс, сформулированный применительно к истории: история должна обладать двумя чертами одновременно — во-первых, она должна говорить о преходящем, поскольку её предмет — единичные, изменчивые события прошлого; во-вторых, она должна быть научной, то есть доказательной. Греческая метафизика считала эти черты несовместимыми: если знание относится только к неизменному, а история имеет дело с преходящим, то строгая наука об изменчивом прошлом оказывается внутренне противоречивым предприятием. Преодоление этого противоречия и составляет один из исходных пунктов, из которых развивается философское осмысление истории как науки.

■ Понятие исторического факта: конструктивизм против позитивистского «культа фактов»

Центральный вопрос билета — понятие «исторического факта» — получает в источниках два во многом противоположных освещения. Позитивистская традиция исходит из того, что факт «дан» источником: задача историка — добросовестно извлечь его из документа и зафиксировать. Этому пониманию противостоит конструктивистская позиция, которую можно проследить от Канта через Дильтея, Вебера, Зиммеля, Дюркгейма и Кроче: объекты научного познания являются конструктами сознания исследователей. Применительно к истории это означает, что исторический факт не «дан», а оформлен дескриптивными и классификационными механизмами мышления историка — номинацией и классификацией социальных групп, рубрикацией материала, причём зачастую эти механизмы работают бессознательно.

Б. Кроче формулирует эту позицию предельно резко, критикуя позитивистский «культ фактов»: «чистых фактов не существует». Подлинным отправным пунктом исторического познания служит, по его словам, «разум, который мыслит и конструирует факты», а не якобы неорганизованные, натурализованные данные, будто бы существующие независимо от познающего разума. История, таким образом, оказывается не пассивным восприятием готовых сведений, а внутренним осмыслением прошлого мыслящим разумом.

Наглядной иллюстрацией того, как позитивистская модель факта дискредитирует сама себя, служит критика традиционного изложения истории по рубрикам. Л. Февр разбирает последовательное изложение «групп фактов различной природы» — сначала политика, затем общество, затем экономика — и сравнивает такой способ подачи со «старым комодом»: всё разложено по ящикам, всё выглядит упорядоченным, но сам порядок расположения материала незаметно навязывает читателю скрытую иерархию причинности, выдавая порядок текста за порядок вещей. Похожий разбор рубрикации есть и у Б. Кроче: воображаемые рубрики изложения — политическая история, история промышленности и торговли, история костюма, религии, философии и науки, литературы и искусства — начинают, по его словам, в силу «натуралистической иллюзии» восприниматься как сами исторические факты, хотя на деле они лишь инструмент систематизации, придуманный историком.

Понятие исторического факта осложняется и тем, что граница между «фактом» и «вымыслом» в историографии всегда была условной: у каждого составителя документов складывается свой набор признанных фактов и своя область исключённого из рассмотрения. Показателен пример: даже такое, казалось бы, бесспорное событие, как принятие Декларации независимости США 4 июля 1776 года, по мнению историка Д. Бурстина, в том виде, в каком оно вошло в массовое сознание, оказывается скорее вымыслом, чем строго установленным фактом. Отсюда общий вывод: историк никогда не имеет дело с «объективными» фактами в чистом виде, а всегда — с интерпретацией, причём нередко уже с чужой интерпретацией, которую он в свою очередь реинтерпретирует, поскольку сам исторический объект отсутствует в настоящем и недоступен прямому наблюдению.

■ Внешняя и внутренняя сторона события, причина и метод воспроизведения мысли

Другой ключевой ход в понимании исторического факта принадлежит Коллингвуду и касается структуры самого исторического события. Историк, исследуя любое событие прошлого, проводит грань между тем, что можно назвать его внешней и внутренней

стороной. Внешняя сторона описывается в терминах тел и их движений: переход Цезаря в сопровождении определённых людей через реку, именуемую Рубикон, в определённое время. Внутренняя сторона того же события может быть описана только с помощью категорий мысли: этот переход был вызовом, брошенным Цезарем законам Республики. Историк никогда не занимается лишь одной из этих сторон, полностью исключая другую, — он смотрит не «на» внешние проявления события, а «через» них, к их смысловому содержанию.

Из этого различия вытекает специфическое понимание исторической причины. В отличие от естествознания, где причина — это общий закон, для Коллингвуда причина исторического события тождественна мыслям в сознании того человека, действия которого это событие вызвали. Соответственно, и метод историка отличается от метода естествоиспытателя: это не наблюдение и не простая вера свидетельству источника, а воспроизведение чужой мысли в собственном сознании историка — так называемый *re-enactment*. Расхожая теория исторического знания сводит его к вере в истинность чьих-то воспоминаний, зафиксированных в источнике. Коллингвуд же показывает, что на практике историк всегда отбирает, интерполирует и критически проверяет свидетельства, а значит, сам выступает в качестве авторитета для самого себя: его мысль автономна, независима, и обладает собственным критерием, которому должны соответствовать так называемые авторитетные источники. Критерий исторической истины лежит, таким образом, не в самом источнике, а в идее истории как таковой.

Этому пассивному способу работы с прошлым Коллингвуд противопоставляет «логику вопроса и ответа»: знание складывается из вопросов и ответов вместе взятых, а логика, обращающая внимание только на готовые ответы и пренебрегающая вопросами, есть логика ложная. Компилятивную историографию, целиком зависящую от того, что сказали прежние «авторитеты», он называет «историей ножниц и клея» и противопоставляет ей подлинно научную, бэконовскую по духу историю, которая сама ставит вопросы своим источникам. Отсюда вытекают и принципы методологии истории: не начинать исследование без точно поставленного вопроса; понимать, что «событие» на деле есть действие, выражающее мысль своего субъекта, а задача историка — понять эту мысль; и учитывать, что ни одна историческая проблема не может изучаться без «истории второго порядка» — истории самого её изучения. В этом же ключе Коллингвуд формулирует и итоговые тезисы: наука о людских делах есть история; всякая история есть история мысли; и прошлое, которое изучает историк, — не мёртвое прошлое, а прошлое, в известном смысле всё ещё живущее в настоящем.

Событие как единица исторического анализа при этом отличается от простого происшествия: это категория анализа, а не голый факт сам по себе, и отбор «исторических» событий, их интерпретация и оценка их роли в общем ходе истории остаются вопросом дискуссионным. Историческое содержание события обретает вместе с установлением его точки во времени — между всем предшествующим и всем последующим.

■ Номотетический ответ: объяснение через охватывающие законы

Наряду с герменевтически-конструктивистской линией Коллингвуда и Копосова в философии истории XX века сложился и другой, номотетический ответ на вопрос «история как наука». Его развивают К. Гемпель и Э. Нагель в рамках аналитической философии науки.

Гемпель, вступая в полемику с У. Дреем, показывает, что историческое объяснение логически однородно с естественнонаучным: оно подводит объясняемое событие под «охватывающий» закон — либо строго универсальный, что соответствует дедуктивно-номологической модели объяснения, либо статистически-вероятностный, что соответствует индуктивной модели. При этом любое рационально приемлемое объяснение — то есть ответ на вопрос «почему произошло X» — обязано давать основания считать, что само событие X действительно имело место.

Дрей предлагал альтернативу: «рациональное объяснение» человеческого поступка через цели, которые преследовал деятель, без обращения к общему закону — доказательство того, что этот поступок был необходим для достижения определённой цели, а не просто указание на обстоятельства, при которых он совершался. Гемпель разбирает и отвергает эту альтернативу, показывая, что такое объяснение работает лишь в том случае, если молчаливо вводит скрытую посылку о предрасположенности деятеля вести себя рационально, — а эта посылка сама и есть не что иное, как неявный охватывающий закон. Иными словами, рациональное объяснение не может показать, почему А совершил именно X, если оно не опирается — пусть и скрыто — на общее положение о том, как ведут себя рациональные агенты.

Э. Нагель продолжает тот же номотетический подход применительно к спору об историческом детерминизме. Он отвергает спекулятивные «доктрины исторической неизбежности» — провиденциалистские построения и псевдонаучные теории исторической цикличности, — все они, при разном содержании, исходят из общей посылки, что свободное действие человека бессильно изменить ход истории. Но из отвержения этих доктрин, показывает Нагель, вовсе не следует отказ от самого понятия закономерности в истории: детерминизм можно строго определить через понятие системы, переменные которой однозначно связаны между собой, — и такое понимание детерминизма не впадает ни в фатализм, отрицающий роль личности, ни в отрицание закономерности как таковой.

■ Итоги и значение

История как научная дисциплина определяется не столько своим предметом — действиями людей в прошлом, — сколько особым способом обращения с этим предметом: постановкой вопросов к источникам, а не пассивным пересказом уже известного. Философия истории занимает по отношению к истории позицию рефлексии второго порядка и в этом смысле принадлежит системе философии науки наравне с философией естественных наук.

Понятие исторического факта оказывается не простой данностью, а результатом сложной работы: конструирования мышлением историка, воспроизведения чужой мысли, подведения события под общий закон — в зависимости от философской традиции. Конструктивистская и герменевтическая линия (Коллингвуд, Копосов, Кроче) показывает, что факт формируется мышлением историка и не дан в готовом виде источником; номотетическая линия (Гемпель, Нагель) показывает, что историческое объяснение может опираться на логику, родственную естественнонаучной, не отказываясь при этом от свободы человеческого действия. Обе линии сходятся в одном: история остаётся наукой именно потому, что её результат — не механическая фиксация прошлого, а дисциплинированная, обоснованная интерпретация, которая делает прошлое осмысленным и в этом смысле «живущим в настоящем».

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «История и философия науки: кандидатский экзамен» — 63 вопроса перечня: 21 по общим проблемам философии науки, 21 по философским проблемам социогуманитарного знания и 21 по разделу «История и философия истории» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.